

ЖИТИЕ

ПРЕПОДОБНОГО ГЕРМАНА АЛЯСКИНСКОГО

Монах Герман происходил из купцов города Серпухова Московской губернии. С самых юных лет возымел он великую ревность к благочестию и шестнадцати лет от рождения пошел в монахи. Сначала поступил он в Троице-Сергиеву пустынь Санкт-Петербургской епархии. Будущий великий проповедник веры и благочестия с первых своих шагов по пути подвижническому отличался верою и большой любовью ко Христу. В Сергиевой пустыни он заболел: у него на горле образовался нарыв; опухоль быстро возрастала и обезобразила все лицо, боль была ужасная, весьма трудно было глотать, запах был нестерпимый. В таком опасном положении, ожидая смерти, молодой подвижник не обратился к земному врачу, но с горячею молитвою и со слезами припал он пред образом Царицы Небесной и, прося у Нее исцеление молился всю ночь, потом мокрым полотенцем отер лик Пречистой Владычицы и этим полотенцем обвязал опухоль, продолжая молиться. В изнеможении заснул он на полу и увидел во сне, что его исцелила Пресвятая Дева. Наутро просыпается, встает и к великой радости находит себя совершенно здоровым. К удивлению врачей, опухоль, не прорвав нарыва, разошлась, оставив о себе только малый след, как бы в воспоминание чуда.

Пять или шесть лет прожил отец Герман в Сергиевой пустыни и потом перешел в Валаамский монастырь. Всею душой полюбил он величественную пустынную Валаамскую обитель, полюбил незабвенного настоятеля ее, великого старца Назария, и всю братию. «Ваших отеческих мне, убогому, благодеяний, – писал он впоследствии отцу Назарию из Америки, – не изгладят из моего сердца ни страшные непроходимые сибирские места, ни леса темные, ни быстрины великих рек не смогут, ниже грозный океан не угасит чувств оных. Я в уме воображаю любимый мною Валаам, на него всегда смотрю через Великий океан».

Старца Назария в своих письмах величал он преподобнейшим, любезным своим батюшкой, а всю Валаамскую братию любезною и дражайшею. Пустынный Еловый остров, место своего жительства в Америке, назвал он Новым Валаамом. И, как видно, всегда находился в духовном общении со своею духовной родиной, ибо еще в 1823 году, следовательно, через тридцать лет пребывания своего в пределах американских, писал к преемнику отца Назария, игумену Иннокентию.

На Валааме отец Герман проходил разные послушания. Испытав его ревность в трудах общежития, мудрый старец отец Назарий отпустил его потом на жительство в пустыню. Пустыня эта находилась в густом лесу, версты полторы от обители; ныне местность та сохранила название «Германово». По праздникам приходил отец Герман из пустыни в монастырь и, бывало, на малой вечерне, стоя на клиросе, приятным тенором поет он с братией припевы канона «Иисусе сладчайший, спаси нас, грешных», «Пресвятая Богородица, спаси нас», а слезы градом льются из очей его.

Во второй половине XVIII столетия расширились пределы великой России на севере: деятельностью русских промышленников открыты были тогда Алеутские острова, составляющие на Великом океане цепь от восточного берега Камчатки до западного берега Северной Америки. С открытием островов обнаружилась священная необходимость – просветить светом Евангельским диких их обитателей. Для этого святого дела по благословению Святейшего Синода митрополит Гавриил поручил старцу Назарию избрать способных людей из братии Валаамской. Избрано было десять человек, в числе их и отец Герман. В 1794 году отправились избранники из Валаама к месту нового назначения.

Святою ревностью проповедников быстро разливался свет проповеди Евангельской между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; заведена была школа для образования новокрещенных детей, выстроена церковь в месте жительства миссионеров. Но неведомыми судьбами Божиими общие успехи миссии были недолговременны. Через шесть лет после своей многопольной деятельности потонул вместе со своею свитою начальник миссии епископ Иоасаф, ранее его ревностный иеромонах Ювеналий сподобился мученического венца, прочие выбывали один за другим, наконец остался один отец Герман, и ему благоволил Господь долее всех собратий потрудиться подвигом апостольским для просвещения алеутов.

Как уже было сказано, местом жительства отца Германа в Америке был остров Еловый, названный им Новый Валаам. Этот остров проливом в версты две отделяется от острова Кадьяк, на котором был построен деревянный монастырь для помещения миссии и устроена деревянная церковь во имя Воскресения Спасителя. Остров Еловый небольшой, весь покрыт лесом, почти посредине его сбегает в море маленький ручеек. Этот-то живописный остров и избрал для себя отец Герман, выкопал на нем своими руками пещеру и в ней провел первое лето. К зиме близ пещеры управляющая островами Компания выстроила для него келлию, в которой и жил он до смерти, а пещеру святой отец обратил в место своего могильного упокоения. Недалеко от келлии возвышались деревянная часовня и деревянный домик для посетителей и училищных занятий. Перед келией разбит был огород. На огороде сам копал он гряды, сажал картофель и капусту, сеял разные овощи. К зиме запасал грибы: солил и сушил их; соль приготавливал сам из морской воды или рассола. Плетеный короб, в котором носил старец с берега морскую капусту для удобрения земли, говорят, был так велик, что трудно было эту ношу поднять одному, а отец Герман, к великому удивлению всех, переносил ее без посторонней помощи на далекое расстояние. В одну зимнюю ночь ученик его, Герасим, случайно увидел его в лесу, идущего босиком с таким большим деревом, которое под силу нести четверым. Так трудился старец, и все, что приобретал таким безмерным трудом, все то употреблял на пропитание и одежду для сирот – его воспитанников и на книги для них.

Одежда отца Германа была одна зимою и летом. Рубашки холстяной он не носил, ее заменяла оленья кухлянка, которую он по восьми лет не снимал и не менял, следовательно, шерсть на ней вся вытиралась и кожа залоснивалась. Потом сапоги или башмаки, подрясник, ветхая, полинялая, вся в заплатках, ряса и клобук – вот и все его одеяние. В этой одежде он ходил везде и во всякую погоду: и в дождь, и в снежную метель.

Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленьей, вытершейся от времени шерстью, изголовье – два кирпича, которые под голою шкурой оставались незаметными для посетителей: одеяла не было, его заменяла деревянная доска, лежавшая на печке. Эту доску сам отец Герман называл своим одеялом, завещав ею покрыть его смертные останки, она была совершенно в рост его. «В бытность мою в келлии отца Германа, – говорил креол Константин Ларионов, – я, грешный, сидел на его постели и это считаю верхом моего счастья».

Случалось отцу Герману бывать в гостях у правителей Компании и в душеспасительных беседах с ними просиживать до полуночи и даже за полночь, но ночевать он никогда не оставался, несмотря на ни какую погоду, всегда уходил к себе в пустыню. Если же по какому-либо особенному случаю и нужно было ему ночевать вне келлии, то утром всегда находили постель, постланную для него, совершенно нетронутою, а старца не спавшим. Точно так и в своей пустыни, проводя ночь в беседе, не предавался он отдохновению.

Ел старец весьма мало. В гостях чуть отведывал какого-либо кушанья и оставался уже без обеда. В келлии очень малая часть небольшой рыбы или овощей составляла весь его обед.

Тело его, изнуренное трудами, бдением и постом, сокрушали пятнадацифунтовые вериги. Эти вериги в настоящее время находятся в часовне, где за образом Божией Матери найдены они были после смерти старца, как говорят одни, или оттуда они сами выпали, поясняют другие.

Описанные черты жизни старца касаются прежде всего внешнего его делания. «Главное же его дело, – вспоминал преосвященный Петр, бывший епископ Ново-Архангельский, викарий Камчатской епархии, – было упражнение в подвигах духовных, в уединенной келлии, где никто его не видел, и только вне келлии слышали, что он пел и совершал богослужение по монашескому правилу».

Такое свидетельство преосвященного подтверждает и ответ самого отца Германа. На вопрос: «Как вы, отец Герман, живете один в лесу, как не соскучитесь?» он отвечал: «Нет, я там не один. Там есть Бог, как и везде есть Бог! Там есть Ангелы, святые! И можно ли с ними скучать? С кем же лучше и приятнее беседа, с людьми или с Ангелами? Конечно, с Ангелами!»

Как смотрел отец Герман на туземных жителей Америки, как понимал свое отношение к ним и как сочувствовал их нуждам, выражает он сам в одном из писем к бывшему правителю колонии Яновскому.

«Любезному нашему Отечеству, – писал он, – Творец будто новорожденного младенца дать изволил край сей, который не имеет еще ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабости ради младенческого возраста – самого поддержания; но и о том самом не имеет он еще способностей кому-либо сделать свою просьбу. А как зависимость сего народного блага Небесным Провидением, неизвестно до какого-то времени отдана в руки находящемуся здесь русскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти, сего ради я, низжайший слуга здешних народов и нянька, от лица тех пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем, но с немотою, младенческим языком говорим: «Отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуть, что значит отрада!»

Как чувствовал старец, так и поступал. Предстательствовал он всегда перед начальством за провинившихся, защищал обвиняемых, помогал нуждавшимся чем только мог, и алеуты обоего пола и дети их часто посещали его. Кто просил совета, кто жаловался на притеснение, кто искал защиты, кто желал помощи – каждый получал от старца возможное удовлетворение. Разбирал он их взаимные неприятности, старался всех мирить, особенно в семействах заботился восстановить согласие. Если не удавалось помирить мужа с женой, старец на время разлучал их. Необходи-

мость такой меры он сам объяснял так: «Пусть лучше врозь живут, да не дерутся и не бранятся, а то, поверьте, страшно, если не развести: были примеры, что муж убивал жену или жена изводила мужа». Особенно любил отец Герман детей, наделял их сухариками, пек им крендельки, и малютки ласкались к старцу. Любовь отца Германа к алеутам доходила до самоотвержения.

На корабле из Соединенных Штатов занесена была на остров Ситху, а оттуда на остров Кадык повальная заразная болезнь оспа. Она начиналась жаром, сильным насморком и удушьем и оканчивалась колотьем; в три дня человек умирал. Не было на острове ни доктора, ни лекарств. Болезнь, разливаясь по селению, быстро охватила окрестности. Смертность была так велика, что некому было копать могилы, и тела лежали не зарытыми. Во все время этой грозной болезни, продолжавшейся с постепенным умалением целый месяц, отец Герман, не щадя себя, неутомимо посещал больных, увещевал их терпеть, молиться, приносить покаяние или приготавливал их к смерти.

Особенно старался старец о нравственном преуспевании алеутов. С этою целью для детей-сирот алеутских устроено было им училище, где отец Герман сам учил их Закону Божию и церковному пению. С этою же целью в часовне близ его келлии в воскресные и праздничные дни собирал он алеутов для молитвы. Здесь часы и разные молитвы читал для них ученик его, а сам старец читал Апостол, Евангелие и устно поучал прихожан, пели же его воспитанницы, и пели очень приятно. Любили алеуты слушать наставления отца Германа и во множестве стекались к нему.

Увлекательны были беседы и с чудною силою действовали они на слушателей. Об одном из таких благодатных впечатлений своего слова пишет он сам. «Слава судьбам святым Милостивого Бога! Он непостижимым Своим Промыслом показал мне ныне новое явление, чего здесь на Кадыке я, двадцать лет живши, не видал. Ныне, после Пасхи, одна молодая женщина, не более двадцати лет, по-русски хорошо говорить умеющая, прежде совсем меня не знавшая, пришла ко мне и, услышав о воплощении Сына Божия и о вечной жизни, столько возгорела любовью к Иисусу Христу, что никак не хочет от меня отойти, но сильною просьбою убедила меня, против моей склонности и любви к уединению, несмотря ни на какие предлагаемые от меня препятствия и трудности, принять ее, и более уже месяца у меня живет и не скучает. Я с великим удивлением смотрю на сие, поминая слова Спасителя: что утаено от премудрых, то открыто младенцам». Эта женщина жила у старца до его смерти. Она наблюдала за благонравием детей, учившихся в его училище, и он, умирая, завещал ей жить на Еловом и, когда она скончается, похоронить ее при его ногах. Звали ее София Власова.

Вот что писал о характере и силе бесед старца Я., один из очевидцев: «Мне было тридцать лет, когда я встретился с отцом Германом. Надо сказать, что я воспитывался в Морском корпусе, знал многие науки, много читал, но, к сожалению, науку из наук, т. е. Закон Божий, едва понимал поверхностно и только теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле – вольнодумец, атеист. Тем более я не признавал божественности и святости нашей религии, что перечитал много безбожных сочинений Вольтера и других философов XVIII века. Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратить. К великому моему удивлению, он говорил так сильно, умно, доказывал так убедительно, что, мне кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять против его слов. Ежедневно мы беседовали с ним до полуночи, и даже за полночь, о любви Божией, о вечности, о спасении души, христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из его уст... Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины, и я сделался настоящим христианином. Всем этим я обязан отцу Герману, он мой истинный благодетель».

«Несколько лет тому назад, – вспоминал Я., – отец Герман обратил одного морского капитана Г. из лютеранской веры в православие. Этот капитан был весьма образован; кроме многих наук, он знал языки: русский, немецкий, английский, французский и несколько испанский, и за всем тем он не мог устоять против убеждений и доказательств отца Германа – переменял свою веру и присоединился к православной церкви через миропомазание. Когда отъезжал он из Америки, старец при прощании сказал ему: „Смотрите, если Господь возьмет вашу супругу у вас, то вы никак не женитесь на немке, если женитесь на немке, она непременно повредит ваше православие“. Капитан дал слово, но не исполнил его. Предостережение старца было пророческим. Через несколько лет, действительно, умерла жена у капитана, и он женился на немке, оставил или ослабил веру и умер скоропостижно без покаяния».

«Однажды пригласили старца на фрегат, пришедший из Санкт-Петербурга. Капитан фрегата был человек весьма ученый, высокообразованный, он был прислан в Америку по высочайшему повелению для ревизии всех колоний. С капитаном было до двадцати пяти человек офицеров, также людей образованных. В этом-то обществе сидел небольшого роста, в ветхой одежде, пустынный монах, который своею мудрою беседою всех образованных собеседников своих привел в такое положение, что они не знали, что ему отвечать.

Сам капитан рассказывал: «Мы были безответны, дураки пред ним!» Отец Герман сделал им всем один общий вопрос: «Чего вы, господа, более всего любите и чего бы каждый из вас желал для своего счастья?»

Посыпались разные ответы. Кто желал богатства, кто чинов, кто красавицу-жену, кто прекрасный корабль, на котором он начальствовал бы, и так далее в этом роде. «Не правда ли, – сказал отец Герман, – что все ваши разнообразные желания можно привести к одному, что каждый из вас желает того, что, по его понятию, считает он лучшим и достойным любви?»

«Да, так» – отвечали все.

«Что же, скажите, – продолжал он, – может быть лучше, выше всего, всего превосходнее и по преимуществу достойнее любви, как не сам Господь наш Иисус Христос, Который нас создал, украсил такими совершенствами, всему дал жизнь, все содержит, питает, все любит, Который Сам есть любовь и прекраснее всех человеков? Не должно ли же поэтому превыше всего любить Бога, более всего желать и искать Его?»

Все заговорили: «Ну, да! Это разумеется! Это само по себе!»

«А любите ли вы Бога?» – спросил тогда старец.

Все отвечали: «Конечно, мы любим Бога. Как не любить Его?»

«А я, грешный, более сорока лет стараюсь любить Бога, а не могу сказать, что совершенно люблю Его», – возразил им отец Герман и стал объяснять, как должно любить Бога. «Если мы любим кого, – говорил он, – мы всегда поминаем того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тем предметом. Так же ли вы, господа, любите Бога? Часто ли обращаетесь к Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святыя заповеди?».

Должны были признаться, что нет.

«Для нашего блага, для нашего счастья, – заключил старец, – дадим себе обет, что по крайней мере от сего дня, от сего часа, от сей минуты будем мы стараться любить Бога уже выше всего и исполнять Его святую волю!»

Вот какой умный, прекрасный разговор вел отец Герман в обществе. Без сомнения, этот разговор должен был запечатлеться в сердцах слушателей на всю их жизнь!

Вообще отец Герман был словоохотлив, говорил умно, дельно и назидательно, более всего о вечности, о спасении, о будущей жизни, о судьбах Божиих. Много рассказывал из житий святых, из Пролога, но никогда не говорил ничего пустого. Так приятно было его слушать, что беседующие с ним увлекались его беседою и нередко

только с рассветом дня нехотя оставляли его, свидетельствует креол Константин Ларионов.

Чтобы несколько выразить самый дух учения отца Германа, мы приведем слова собственноручного письма его. «Истинного христианина, – писал он, – делают вера и любовь ко Христу. Грехи наши нимало христианству не препятствуют, по слову Самого Спасителя. Он изволил сказать: не праведныя приидох призвати, но грешныя спасти. Радость бывает на Небеси о едином кающемся более, нежели о девятидесяти праведниках. Также о блуднице, прикасающейся к ногам Его, фарисею Симону изволил говорить: имеющему любовь, многий долг прощается, а с не имеющего любви и малый долг взыскивается». Этими и подобными им рассуждениями христианин должен приводить себя в надежду и радость, и отнюдь не внимать наносимому отчаянию; тут нужен щит веры.

Грех любящему Бога не что иное, как стрелы от неприятеля на сражении. Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к Небесному своему отечеству, по апостольскому слову: отечество наше на Небесах. А о воинах говорит: «несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем» ([Еф.6:12](#)).

Пустые века сего желанья удаляют от отечества, любовь к тем и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье; оно названо от апостолов «внешний человек». Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призывая Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желанья, в новую любовь будущего века и через то узнавать наше к Небесному отечеству приближение или удаление, но скоро сего сделать невозможно, а должно следовать примеру больных, которые, желая любезного здравия, не оставляют изыскивать средств для излечения себя. Я говорю не ясно».

Ничего не искав для себя в жизни, давно уже, при самом прибытии в Америку, по смирению отказавшись от сана иеромонаха и архимандрита и оставшись навсегда простым монахом, отец Герман без малейшего страха пред сильными ревновал всем усердием по Боге. С кроткою любовью обличал он многих в нетрезвой жизни, недостойном поведении и притеснении алеутов, и все это – невзирая на чины и звания.

Обличаемая злоба вооружилась против него, делала ему всевозможные неприятности и клеветала на него. Клеветы были так сильны, что часто даже люди благонамеренные не могли заметить той лжи, которая в доносах на отца Германа скрывалась под покровом наружной правды, и поэтому должно сказать, что только один Господь сохранял старца.

Правитель колоний Я., еще не увидев отца Германа и только по одним наговорам на него, писал в Петербург о необходимости его удаления, объясняя свое прошение тем, будто он возмущает алеутов против начальства. Священник, приехавший из Иркутска с большими полномочиями, наделал отцу Герману много огорчений и хотел отправить его в Иркутск, но правитель колоний Муравьев защитил старца. Другой священник, М., прибыл на Еловый остров с правителем колоний И. и служителями Компании обыскивать келлию отца Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда не нашли ничего ценного, вероятно, с дозволения старших, служитель Пономарьков стал топором выворачивать половые доски. «Друг мой, – сказал тогда ему Герман, – напрасно ты взял топор, это орудие лишит тебя жизни». Через короткое время потребовались люди в Николаевский редут, и поэтому из Кадьяка послали туда русских служителей, в числе их Пономарькова. Там-то и сбылось предсказание отца Германа: кенайцы ему, сонному, отрубили голову.

Много великих скорбей понес отец Герман и от бесов. Это он сам открыл своему ученику Герасиму, когда тот, войдя к нему в келлию без обычной молитвы, на все вопросы свои не получил ответа и на другой день спросил его о причине вчерашнего молчания. «Когда я пришел на этот остров и поселился в этой пустыне, – отвечал

ему тогда отец Герман, – много раз бесы приходили ко мне как будто для надобностей то в виде человеческого, то в виде зверей, тогда я много потерпел от них и разных скорбей, и искушений, поэтому-то я теперь и не говорю с теми, кто войдет ко мне без молитвы».

Посвятив себя совершенно на служение Господу, ревнуя единственно о прославлении Его Всесвятого Имени, вдали от родины, среди многообразных скорбей и лишений, десятки лет проведя в высоких подвигах самоотвержения, отец Герман был сподоблен от Господа многих благодатных даров.

Среди Елового острова по горе сбегает ручей, устье которого всегда покрыто бурунами. Весной, когда появлялась речная рыба, старец отгребал песок из устья, чтобы можно было пройти рыбе, и рвущаяся на нерест рыба устремлялась в реку. Сушеною рыбою кормил отец Герман птиц, и они во множестве обитали около его келлии. Под келлией у него жили горностаи. Этот маленький зверек, когда оценится, недоступен, а отец Герман кормил его из рук. «Не чудо ли это мы видели?» – говорил его ученик Игнатий. Видели также, что отец Герман кормил медведей. Со смертью старца и птицы, и звери удалились, даже род его не давал никакого урожая, если кто самовольно держал его, утверждал Игнатий.

Однажды на Еловом острове сделалось наводнение. Жители в испуге прибежали к старцу, тогда он взял из дома своих воспитанников икону Божией Матери, вынес ее, поставил на мели (лайде) и стал молиться. По окончании молитвы, обратившись к присутствующим, сказал: «Не бойтесь, далее места, где стоит святая икона, не пойдет вода». Исполнилось слово старца. Затем, обещая такую же помощь от святой иконы и на будущее время заступлением Пренепорочной Владычицы, поручил он ученице своей Софье в случае наводнения ставить икону на лайду. Икона эта хранится на острове.

Барон Ф.П. Врангель по просьбе старца писал под его диктовку письмо одному из митрополитов (имя его осталось неизвестно). Когда письмо было окончено и прочитано, старец поздравил барона с чином адмирала. Изумился барон: это для него была новость, которая действительно подтвердилась только через долгое время, при выезде его в Петербург.

"Жаль мне тебя, любезный кум, – говорил отец Герман правителю Кашеварову, у которого он принимал от купели сына, – жаль, смена тебе будет неприятная!" Года через два Кашеваров был связан во время смены и отправлен на остров Ситху.

За год до получения в Кадьяке известий о смерти высокопреосвященного митрополита (имя его неизвестно), отец Герман говорил алеутам, что их большой духовный начальник скончался.

«Часто говорил старец, что в Америке будет свой архиерей, тогда как об этом никто и не думал, – рассказывал преосвященный Петр, – но пророчество это в свое время сбылось».

«После смерти моей, – говорил отец Герман, – будет повальная болезнь, и умрет от нее много людей, и русские объединят алеутов».

Действительно, кажется, через полгода по его кончине было оспенное поветрие, смертность от которого в Америке была поразительная: в некоторых селениях оставалось в живых только по несколько человек. Это побудило колониальное начальство объединить алеутов. Тогда из двадцати алеутских селений образовалось семь. «Хотя и много времени пройдет после моей смерти, – говорил отец Герман, – но меня не забудут, и место жительство моего не будет пусто. Подобный мне монах, убегающий славы человеческой, придет и будет жить на Еловом, и Еловый не будет без людей».

«Миленький, – спрашивал отец Герман креола Константина, когда тому было не более двенадцати лет от роду, – как ты думаешь, часовня, которую теперь строят, останется ли втуне?» «Не знаю, апа», – отвечал малютка. «Я, действительно, – говорил Константин, – не понял тогда вопроса, хотя весь разговор со старцем живо

запечатлелся в моей памяти». Старец же, несколько помолчав, сказал: «Дитя мое, помни, что на этом месте со временем будет монастырь».

«Пройдет тридцать лет после моей смерти, все живущие теперь на Еловом острове перемрут, ты останешься жив и будешь стар и беден, и тогда вспомнят меня», – говорил отец Герман ученику своему, алеуту Игнатию Алиг-яге.

«Когда я умру, – говорил старец своим ученикам, – вы похороните меня рядом с отцом Иоасафом. Моего быка убейте; мне довольно послужил. Похороните же меня одни и не сказывайте о моей смерти в гавань: гаваньские не увидят моего лица. За священником не посылайте и не дожидайтесь его: не дождетесь. Тела моего не омывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, закутайте в мантию, ее воскрылиями и клобуком покройте мое лицо и голову. Если кто пожелает проститься со мной, пусть целует крест, лица моего никому не показывайте. Опустив на землю, покройте меня бывшим моим одеялом».

Приближалось время отшествия старца. В один из дней приказал он ученику своему Герасиму зажечь свечи пред иконами и читать Деяния апостольские. Через некоторое время лицо его просияло и он громко произнес: «Слава Тебе, Господи!» Потом, приказав прекратить чтение, объявил, что Господу было угодно еще на неделю продлить его жизнь.

Через неделю опять по его приказанию были зажжены свечи и читали Деяния святых апостолов. Тихо преклонил старец свою голову на грудь Герасима, келлия наполнилась благоухания, лицо его просияло, и в то же мгновение отца Германа не стало. Так блаженно почил он сном праведника на восемьдесят первом году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Несмотря на предсмертную волю отца Германа, ученики его не решились хоронить старца, не дав о том знать в гавань; неизвестно почему не убили они и быка. Посланный с печальной вестью возвратился из гавани, сообщив, что правитель колонии Кашеваров запретил хоронить старца до его приезда. Там же, в гавани, был заказан для усопшего лучший гроб, который должен был доставить на Еловый священник. Но все эти распоряжения были противны воле почившего. И вот подул страшный ветер, полил дождь, сделалась ужасная буря. Невелик был переезд из гавани на Еловый, всего часа два пути, но никто не решался пуститься в море в такую погоду. Так было целый месяц, и все это время тело отца Германа лежало в теплом доме его воспитанников, лицо его не изменилось и от тела не было ни малейшего запаха.

Наконец с опытным стариком Козьмою Училищевым был доставлен гроб; из гаваньских никто не приехал, и жители острова одни предали земле бранные останки своего старца. Та исполнилось последнее желание отца Германа. Бык отца Германа на другой день по его смерти ударился головой о дерево и свалился на землю мертвый.

В самый день смерти старца в селении Катани на Афогнаке виден был над Еловым необыкновенный светящийся столб до неба. Пораженные чудесным явлением креол Герасим Вологдин и жена его Анна стали молиться со словами: «Видно, отец Герман оставил нас». Этот светящийся столб видели и другие. В тот же вечер в другом селении на Афогнаке видели человека, поднимавшегося к облакам над Еловым островом.

Похоронив старца, ученики поставили над его могилой простой деревянный крест. Позже на этом месте был воздвигнут храм, освященный во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.

Видев славную подвигами жизнь отца Германа, видел его чудеса, видел исполнение его пророчеств и, наконец, его блаженное усновение, «все местные жители, – свидетельствует преосвященный Петр, – вполне уверены в его богоугодии».

В 1842 году, через шесть лет по преставлении старца, плывя морем на Кадык и находясь в крайней опасности, высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ

Камчатский и Алеутский, возрев на остров Еловый, сказал в уме своем: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер!» И точно, не прошло как-жета и четверти часа, рассказывал впоследствии высокопреосвященный, как ветер сделался попутным, и они благополучно пристали к берегу. В благодарность за избавление архиепископ Иннокентий сам отслужил на могиле блаженного панихиду. В 1867 году один из аляскинских епископов составил записку о житии преподобного Германа и о случаях чудотворения по его молитвам, которые еще долго после его блаженной кончины записывались доброхотами. Впервые житие преподобного Германа было опубликовано на Валааме в 1894 году. В 1927 году русский архимандрит Герасим (Шмальц) прибыл на остров Еловый и остался там до конца своих дней. В 1952 году им были составлены житие и акафист преподобному, а через семь лет им же мощи преподобного Германа были открыты и перенесены в специально построенную небольшую часовню.

9 августа 1970 года, на день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона, на острове Кадыке было совершено прославление преподобного Германа. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 1 декабря 1970 года имя преподобного Германа Аляскинского было включено в месяцеслов. В 1984 году преподобный Герман прославлен вместе со всеми сибирскими святыми. Его изображение есть на общей иконе сибирских святых.

Примечания

[1] Деизм – религиозно-философское учение, распространенное в XVII–XVIII вв., допускавшее существование Бога лишь как первопричины мира и отрицавшее существование Бога как Личности.

Тропари, кондаки, молитвы и величания

Тропарь преподобному Герману Аляскинскому, глас 7

Звездó пресвѣтлая Цѣркве Христóвы, / на сѣвере просіявшая, / вся к Цáрствію Небѣсному
путеводящая, / учителю и апóстолу істинныя вѣры, / предста́телю и заступниче гонімых, / украшение
изящное Святы́я Цѣркве во Амѣрице, / преподóбне óтче Гѣрмане Аля́скинский, / моли́ся ко Гóсподу Спáсу
на́шему, // спасті́ся душáм на́шим.

Перевод: *Звезда преркая Церкви Христовой, на севере просиявшая, всех к Царству
Небесному* *путеводящая, учитель и апостол истинной веры, ходатай и защитник гонимых, украшение
превосходное Святой Церкви в Америке, преподобный* *отче Герман Аляскинский, молись ко Господу
Спасителю нашему о спасении душ наших.*

Ин тропарь преподобному Герману Аляскинскому, поемый во Америке, глас 3

Преподóбне óтче наш Гѣрмане, / пѣрвый свѣтильниче, в землі на́шей просіявший, / прино́сим вси тебѣ
похвалы́ сия, / ты же, я́ко имѣя дерзновѣние ко Гóсподу, / бѹди заступник нам, и утѣшитель, / и Цѣркве
на́шей покровітель дѣвный, / да вси со умилѣнием зовѣм ти: // ра́дуйся, óтче наш Гѣрмане, Аля́ски и всея
Амѣрики преслáвный чудотвóрче.

Перевод: Преподобный отче наш Герман, первый светильник в земле нашей просиявший, приносим все тебе похвалы эти, ты же, как имеющий дерзновение ко Господу, будь защитником нашим и утешителем, и Церкви нашей покровителем знаменитым, да все со смирением взываем к тебе: «Радуйся, отче наш Герман, Аляски и всей Америки удивительный чудотворец».

Ин пропарь преподобному Герману Аляскинскому, глас 1

Лбзу Православия принёс еси в Америку из Россіи благочестівыя/ и, удобрив корень по́стническими трудами/ и напоив обильне моли́твенными слезами,/ плоды принёс еси - виноград возлюбленный,/ Германе преблаже́нне о́тче наш./ Те́мже и Бог тя прослави, яко апо́стола преподо́бнаго,/ неплéнием моще́й и благода́тию чудес,/ от них же почерпа́юще благодея́ния, восхваляе́м тя:/ сла́ва Да́вшему ти крѣпость,/ сла́ва Венча́вшему тя,// сла́ва Дарова́вшему тя Аме́рице свети́ло Правосла́вия.

Перевод: Лозу Православия ты принес в Америку из благочестивой России и, удобрив корень постническими трудами и обильно напоив молитвенными слезами, принес ты плоды - виноград возлюбленный, Герман преблаженный отче наш. Потому и Бог тебя прославил, как апостола преподобного, неплением мощей и благодатью чудес, из них же черпая благодеяния, прославляем тебя: «Слава Давшему тебе силу, слава Венчавшему тебя, слава Даровавшему тебя Америке, светило Православия».

Кондак преподобному Герману Аляскинскому, глас 3

Свет вѣчный Христа́ Спа́са на́шего/ тя на путь ева́нгельский во Аме́рику наста́ви,/ возвести́ти весть о ми́ре ева́нгельскую./ Днесь Престо́лу Сла́вы предсто́я,/ моли́ся о стране́ твоёй и лю́дех ея́,/ о ми́ре всего́ ми́ра// и спасе́нии душ на́ших.

Перевод: Свет вечный Христа Спасителя нашего направил тебя на евангельский путь в Америку, проповедать евангельскую весть о мире. Сегодня, предстоя Престолу Славы, молись о стране твоей и людях ее, о мире всего мира и спасении душ наших.

Ин кондак преподобному Герману Аляскинскому, глас 8

Валаа́ма постри́женник, честный,/ возлюбленник Бо́жия Ма́тере бы́вый,/ ревни́тель по́двигов дре́вних подви́жник но́вый,/ моли́тву, яко копи́е и щип, прие́мый,/ спра́шен де́моном и тьме язы́честей ста́вый,// Ге́рмане преподо́бне, моли́ Христа́ Бо́га спаси́ти ду́ши на́ша.

Перевод: Валаама постриженник, почитаемый, ты был любим Божией Матерью, новый ревнитель подвигов древних подвижников, молитву, как копье и щип взявший, устрашавший демонов и тьму языческую, Герман преподобный, моли Христа Бога о спасении душ наших.

Ин кондак преподобному Герману Аляскинскому, глас 8

Взбранному Воеводе своинствовавася,/ в брань вступил еси на духа злобы в поле преподобия и апостольства./ И, пожав победы обоюдныя,/ воздвизаеши нас вопиити тебе:// радуйся, святе Германе, апостоле преподобный.

Перевод: *Победоносного Военачальника ты стал воином, вступил в битву против духа злобы на поле преподобия и апостольства. И одержав победу с обеих сторон, поднимаешь нас, чтобы вызывать к тебе: «Радуйся, святой Герман, апостол преподобный».*

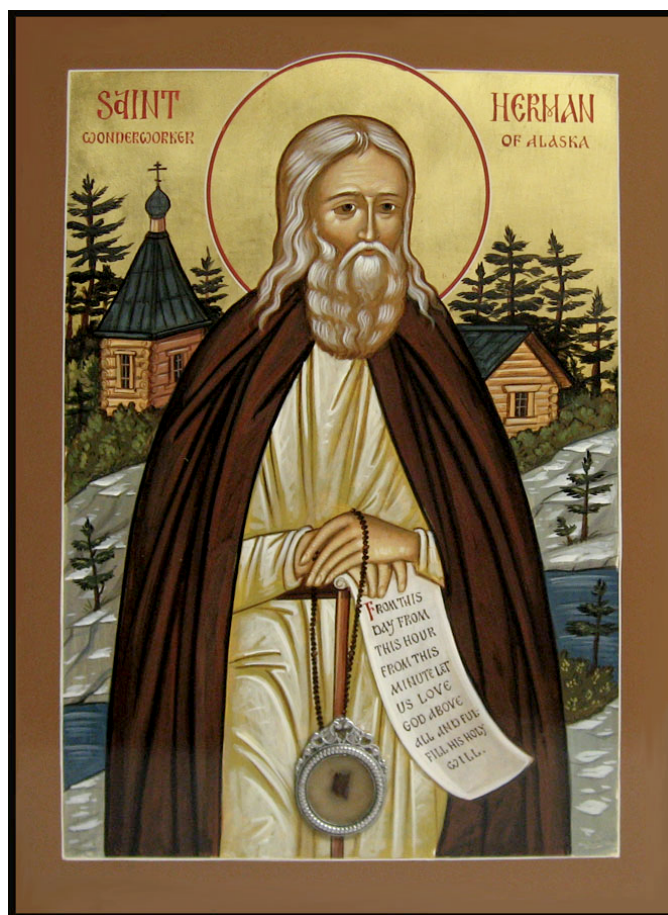
Молитва преподобному Герману Аляскинскому

О, предивный угодниче Божий, преподобне отче наш Германе, ты подвигом добрым подвизался еси во странѣ сей, среди суровыя природы, явил еси себе в малом верно во служении твоѣм Богу, по глаголу Его: о малем был еси верен, над многими поставлю тя. И ныне, егда исполнися слово сие Господне на тебе, постави тя Господь над всею Церковию Американскою, яко Небеснаго покровителя, все мы взываем ти теплою молитвою: молися за Церковь нашу Святую, да сохрани ю Господь в чистоте и Православии, да явит ю украшение страны нашей, да оградит ю от темных сил вражиих, да изженет супостаты и да дарует всем чистоту веры и благочестие. Всем же нам испроси духа мира и любви, духа кротости и смирения, гордыни отгнание, от самопревозношения ограждение, болящим помощь и исцеление, скорбящим утешение, алчущим правды духовныя пищу Небесную. Да, улучивше желаемая, обрящем праведное воздаяние в день Страшнаго суда и со всеми святыми воспоем и прославим Живоначальную Троицу, Отца Непостижимаго, Истиннаго и Единороднаго Сына и Святаго Утешителя Духа, во веки. Аминь.

Молитва 2-я преподобному Герману Аляскинскому

О, преподобне отче Германе, новоявленный угодниче, Аляски просветителю! Молим тя: ходатайствуй о нас, грешных рабах Божиих (имена), пред Престолом Вседержителя Бога, да дарует нам вся потребная животу и благочестию, душам и телесем нашим здравие, во всех благих преспеяние и Свою всеильную помощь во всяких искушениях, бедах же и напастех, воздвизаемых на ны от врага спасения нашего. Наипаче же испроси, угодниче Христов, всем нам грехов отпущение, христианскую кончину жития и наследие Царствия Небеснаго у Христа Бога нашего, Ему же честь и слава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

К предложенному «Житию» следует сделать одно существенное дополнение: святой Герман начинал свой духовный путь с Саровской обители. Он был на послушании в той пустыни примерно в то же время, когда там подвизался и преподобный Серафим Саровский. Там же, в нынешних Нижегородских краях, случилась и встреча святого Германа с преподобным Назарием Саровским....

И еще одна удивительная история:

«Я низжайший слуга местных народов и нянька», – говорил святой об алеутах, а они в ответ называли его просто Апа, «дедушка». Он крестил десятки тысяч местных жителей, защищал их от произвола торговцев, учил детей, спасал от болезней и создал общину, в которой заботились о сиротах. Память его празднуется 9 августа.

Первым православным святым, подвизавшимся в Америке, был преподобный Герман Аляскинский (1751 или 1756/7 – 1836). В 1793 г. он отправился добровольцем с Валаама в Америку проповедовать Евангелие, вошел в Кадьякскую духовную миссию и в 1807 г. стал ее главой. Описываемый случай произошел позже, когда он переселился на ближайший к миссии остров Еловый.

Однажды после Пасхи 1820 г. к подвижнику пришла молодая женщина алеутка, хорошо говорившая по-русски. Она была гражданской женой русского промышленника, который уехал и не возвращался, и захотела узнать, есть ли вести о нем. Звали ее Софья Власова.

Преподобный Герман ни одного встречного без наставления. Будь то простой алеут русский торговец, да хоть сам правитель Русско-американской компании, с

каждым он заводил беседу о Боге и об исправлении его жизни. Говорил святой ярко, интересно и весьма доброжелательно. Так, когда правитель компании Семен Иванович Яновский тяжело заболел, он стал за ним ухаживать. Капитан второго ранга был по моде того времени вальтерьянец, о Православии не знал ничего и считал его набором суеверий. Когда же «ловец человеков» стал рассказывать ему о вере, он заслушался и сам попал в сеть. Яновский стал горячо верующим, близким другом святого, а под старость, вернувшись в Россию, принял монашество.

Семен Иванович Яновский.

Так вот и с Софьей Власовой преподобный Герман стал говорить о том, что есть Бог и что она неправильно живет. А была она женщиной распутного нрава.

Вот что писал о ней позднее правитель Русской Америки барон Фердинанд Врангель: «Возвратившись домой, прежняя ее жизнь показалась ей несносной, она вскоре опять пошла к Герману и объявила решительное намерение остаться при нем и спастись. Герман был уже стар (60 лет). Преодолев первый испуг от сего нечаянного события и помирившись с мыслью под старости жить с сей женщиной, он принял ее, устроив для нее впоследствии особый домик на морском берегу.

София научилась читать и писать по-русски в один год. И говорила она хорошо по-русски. К сей-то женщине, Софии, пристали вскоре несколько сирот – девушек из алеуток и креолок; она под руководством Германа соделалась их наставницей, расширяя огорождство и приучая их к трудолюбию. В 1831 г. я нашел огорождство в цветущем состоянии, и девушки-сиротки по здоровому виду и открытыми веселыми чертами показывали, что они довольны своим состоянием...».

Всего их было немногим более десятка. Жили сироты в доме на морском берегу недалеко от кельи отца Германа. Позже к подвижнику прибился сирота из креолов Герасим Иванович Зырянов, затем кадьякский алеут Игнатий Алиг-яга. Появились и другие ученики.

Прп. Герман был простым монахом, поэтому он не служил литургию. В воскресные и праздничные дни к нему собирались алеуты, и он читал им часы, Апостол и Евангелие, пел тропари святым. Затем он начинал беседу с пришедшими, мирил поссорившихся, детям давал хлебцы, которые сам пек.

Однажды Софья со своими девушками хотела поехать на другой остров за морской капустой. Старец сказал им: «Не уезжайте вы сегодня, а завтра». Целую неделю до того море волновалось, они опасались, что снова погода испортится, и поехали без благословения. Когда они довольно далеко отъехали от берега, их байдарка наскочила на подводный камень, кожаная обшивка прорвалась, и одна из девушек утонула.

После возвращения, старец их призвал к себе и сказал: «Вот, что значит преслушание и прекословие!» Они упали на колени и просили прощения, старец их простил и сказал «Когда я утром выходил на берег морской, то на том самом месте видел человека, сидящего на камне и плещущего руками воду, и много безобразен был он собой» .

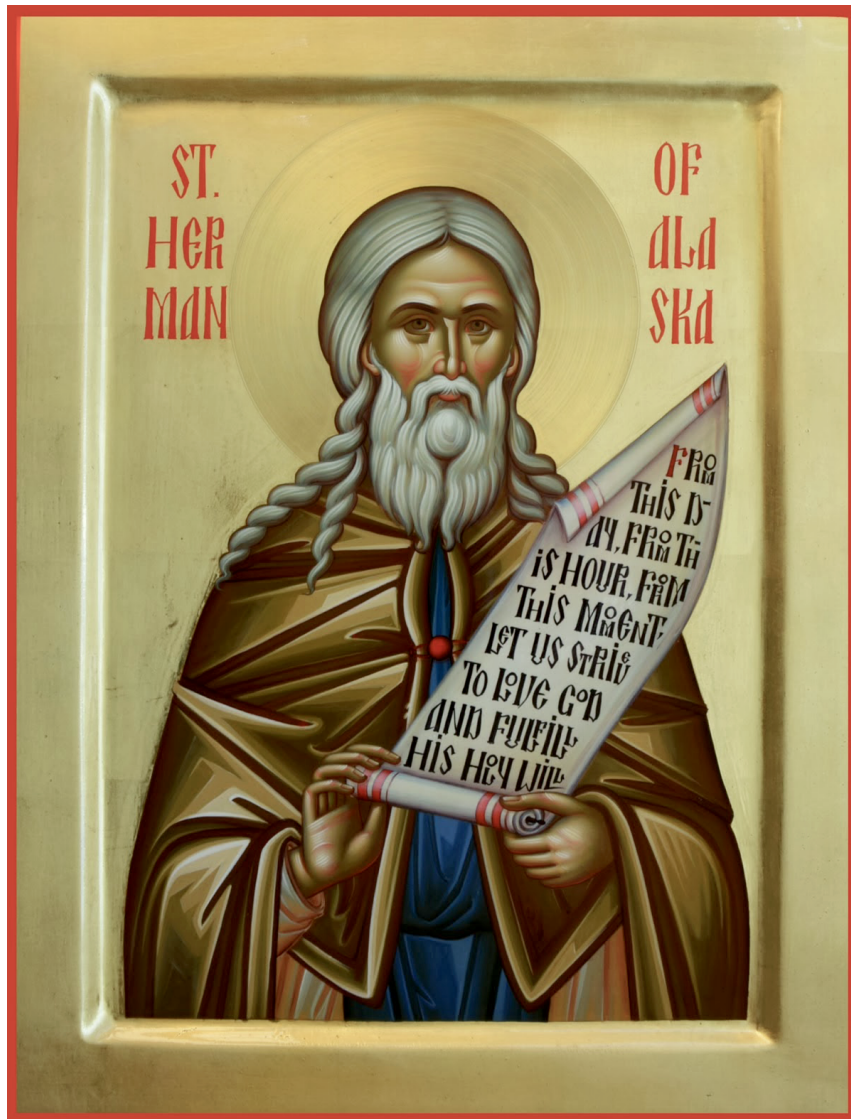
Как-то на Еловом острове произошло наводнение. Жители в испуге прибежали к келье отца Германа. Он взял из дома своих учеников икону Божией Матери, вынес, поставил ее на морском берегу и стал молиться. После молитвы он сказал присутствующим: «Не бойтесь, далее этого места, где стоит святая икона, не пойдет вода». И наводнение тотчас прекратилось. Икона хранилась потом у Софьи: во время наводнений она ставила образ на берегу.

Преподобный Герман умер в 1836 г., предвидев свою кончину. Его ученики продолжали жить на Новом Валааме, но поселение постепенно пустело и к 1870-м гг. опустело совсем. Софью Власову похоронили, по преданию, в ногах прп. Германа.

По материалам С. Корзун. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание, Свято-Троицкий монастырь,

Джорданвилль, 2002

Акафист преподобному Герману Аляскинскому

Текст утвержден Священным Синодом
Русской Православной Церкви
14 июля 2018 года (журнал № 62)

Кондак 1

Изра́нный чудотво́рче и пресла́вный уго́дниче Христо́в, богоно́сне о́тче наш Ге́рмане, Аля́ски украше́ние и Це́ркве Правосла́вныя ра́дование, воспева́ем ти похвалы́ сия́. Ты же, я́ко Небе́сный наш покрови́тель и всемо́щный пред Бо́гом моли́твенник, не преста́й хода́тайствовати о нас, ча́дех твои́х, усе́рдно тебе́ вопию́щих: Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Икос 1

А́нгелов Творе́ц предызбра́тя, о́тче Ге́рмане, пропове́дником бы́ти правосла́вныя ве́ры в зе́млех но́вых и посла́тя, я́ко благове́стника, ко язы́чником, да возсия́ет им свет И́стины. Благода́рнии же лю́дие воспева́ют тебе́, я́ко Небе́сному покрови́телю, похвалы́ сия́:

Ра́дуйся, пусты́нею Саро́вскою изде́тска возвраще́нный;
ра́дуйся, Валаа́мския оби́тели о́трасле пречестна́я.
Ра́дуйся, пусты́нное уедине́ние возлюби́вый;
ра́дуйся, Бо́жиею Ма́терию от сме́рти спасе́нный.
Ра́дуйся, апо́столов после́дователю;
ра́дуйся, свет и́стинныя ве́ры во Аме́рику принесы́й.
Ра́дуйся, Фаво́рским све́том озаре́нный;
ра́дуйся, тьму идолослуже́ния Христо́м просвети́вый.
Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 2

Ви́дя Госпо́дь пла́менную любо́вь твою́, е́юже от ю́ности возгоре́ся,
преподо́бне, во оби́тель Саро́вскую Ему́ еди́ному послужи́ти приведе́тя,
последи́ же на о́стров Валаа́мский путь твой упра́ви, иде́ же в со́нме и́ноков
ты воспева́л еси́ неуста́нно: Аллилу́иа.

Икос 2

Ра́зум духо́вный тебе́ от ю́ности дарова́ся, свя́тче Бо́жий, да уразуме́ши
красоту́ небе́сную и сла́дость ея́. Сего́ ра́ди от прему́драго игу́мена
Наза́рия, наста́тника преподо́бнаго Серафи́ма Саро́вскаго, поуча́лся еси́
прему́дрости Бо́жией и путе́м Госпо́дним, те́мже Свята́я Це́рковь
восхваля́ет тя:

Ра́дуйся, в де́брых саро́вских ста́рцу пусты́ннику послужи́вый;
ра́дуйся, с преподо́бным Серафи́мом еди́наго наста́тника име́вый.
Ра́дуйся, я́ко пчела́, от вели́каго Фео́дора духо́вный некта́р в Санакса́ре
собра́вый;
ра́дуйся, во пресла́вную оби́тель Валаа́мскую на по́двиги прише́дый.
Ра́дуйся, я́ко тезоимени́тому тебе́ Ге́рману, первонача́льнику Валаа́мскому,
свя́тостью уподо́бился еси́;
ра́дуйся, я́ко по́двиги пустынножи́тельския подъя́л еси́.
Ра́дуйся, за кро́тость и ти́хость бра́тиею валаа́мскою почита́емый;
ра́дуйся, ны́не все́ю Це́рквию прославля́емый.
Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 3

Си́ла Вы́шняго повеле́ бо́гому́ дру́му Петро́ва гра́да святы́телю Гаврии́лу посла́ти пропове́дники правосла́вныя ве́ры в зе́млю Аля́скинскую и тебе́, преподо́бне Ге́рмане, сей жре́бий апо́стольский прия́ти. Те́мже вси лю́дие, просвеще́ннии све́том Христо́вым труды́ твои́ми и о́бразом жития́ твоего́, воспе́ша Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 3

Име́я не то́лько тща́ние о по́дви́зе и́ночестем, но и ре́вность апо́стольскую в пропове́дании, ты, преподо́бне Ге́рмане, лю́дем, во тьме язы́ческаго неве́дения сидя́щим, Христа́ распя́таго и воскресе́сшаго возвести́л еси́. Помина́юще у́бо и́ноческая бде́ния твоя́ и труды́ апо́стольския, с любо́вию восхваля́ем тя:

Ра́дуйся, безро́потное послуша́ние игу́мену яви́вый;

ра́дуйся, в путь да́льний про́поведи ра́ди ева́нгельския отше́дый.

Ра́дуйся, любве́ ко оте́честву не угаси́вый;

ра́дуйся, но́вое твое́ оте́чество пла́менне возлюби́вый.

Ра́дуйся, и́ноческаго жития́ во Аме́рице первонача́льниче;

ра́дуйся, правосла́вныя ве́ры ре́вностный пропове́дниче.

Ра́дуйся, о́бразе преподо́бных оби́тели Ла́дожския;

ра́дуйся, Се́верныя Фиваи́ды о́трасле, во Аля́ске процветы́й.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 4

Бу́рю злых напа́стей и скорбе́й претерпе́л еси́, преподо́бне, и по́двигом до́брым во стране́ но́вей подви́зая́ся еси́, сего́ ра́ди и Христо́с тя просла́ви и да́ром прозре́ния и чуде́с обогати́и и дарова́ тебе́ Ца́рство Небе́сное, иде́же ты со А́нгелы воспева́еши Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 4

Слы́шаще о чуде́сах твои́х, лю́дем явле́нных, егда́ о́гненное запале́ние и наводне́ние губи́тельное ты остано́вил еси́ моли́твою свое́ю, вси лю́дие умиля́хуся се́рдцем. Мо́лим тя и нам яви́ти си́лу твою́ и по́мощь, к тебе́ во́пию щим:

Ра́дуйся, богопропове́дниче, ре́вностию твое́ю нас вдохновля́й;

ра́дуйся, боголю́бче, сердца́ на́ша ра́достию исполня́й.

Ра́дуйся, за всех уныва́ющих те́плый моли́твенниче;

ра́дуйся, душ смяте́нных пресла́достный умири́телю.

Ра́дуйся, я́ко смире́нием твои́м подае́ши стра́ждущим исцеле́ние;

ра́дуйся, я́ко кро́тостию твое́ю окрыля́еши ду́ши на́ша во е́же созерца́ти го́рняя.

Ра́дуйся, тве́рдый вразуми́телю всех отше́дших от Правосла́вия;

ра́дуйся, любо́вию твое́ю направля́й нас на путь пра́вый.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 5

Я́ко звезда́ во стране́ полу́нощней возсия́л еси́, преподо́бне, на о́строве Ело́вем, Но́вый Валаа́м нарече́ннем, да озари́ши све́том любве́ твоея́ и богомо́щною моли́твою твое́ю всю зе́млю Аме́рика́нскую, да со всех конце́в ея́ лю́дие правосла́внии воспою́т те́пле Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 5

Ви́дюще смире́ние твоё, о́тче наш Ге́рмане, вси дивля́хуся зело́, ка́ко ты, преподо́бному Анто́нию Пече́рскому, первонача́льнику мона́шества на Руси́, подража́я, восхоте́л еси́ просто́м и но́ком бы́ти и по вели́кому смире́нию твоему́, от служе́ния свяще́ннического отре́клся еси́. Сего́ ра́ди взыва́ем ти тако́ва я:

Ра́дуйся, первонача́льниче мона́шества во Аме́рице;

ра́дуйся, смире́нием небе́снаго Оте́чества дости́гнувый.

Ра́дуйся, небе́сною сла́вою увенча́нный;

ра́дуйся, оби́тель на месте по́двигов твои́х предреки́й.

Ра́дуйся, мо́щи твоя́ предрече́нной оби́тели дарова́вый;

ра́дуйся, исто́чник чуде́с от них ми́ру яви́вый.

Ра́дуйся, защи́тниче те́плый бра́тии, тобо́ю собира́емые;

ра́дуйся, и́ноком вождь ве́лий на бра́ни неви́димой.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 6

Пропове́дует пусты́ня се́верная по́двиги и чудеса́ твоя́, преподо́бне, и ты, я́ко но́вую ветвь виногра́дника Це́ркве Ру́сския, на земли́ Аме́рика́нстей прозя́бшую, прославля́ет. Ты бо де́бри Аля́ски и леса́ ея́ моли́твою твое́ю облагоуха́л еси́ и, подви́жником дре́вним подража́я, в безмо́лвии но́щнем взыва́л еси́ к Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 6

Просвети́вый люде́й, во тьме язы́честей пребыва́ющих, и о́браз подви́жнического жития́ сим показа́вый, моли́ся о всех нас, богоно́сне о́тче

наш Ге́рмане, да и мы, благодаря́ще Го́спода за ми́лость Его́, нам явле́нную,
непреста́нно воспева́ем ти похва́льные сия́ глаго́лы:

Ра́дуйся, Пресвяты́я Тро́ицы служи́телю ве́рный;

ра́дуйся, пусты́ни Ело́вия подви́жниче усе́рдный.

Ра́дуйся, щит ве́ры живы́я и разу́мныя всем подава́й;

ра́дуйся, тьму све́том ева́нгельским просвеща́й.

Ра́дуйся, я́ко суету́ и уны́ние богомы́слием отгна́л еси́;

ра́дуйся, я́ко убо́га себе́ имену́я, смире́нию всех поуча́л еси́.

Ра́дуйся, сердца́ на́ша ра́достию твоею́ испо́лненный;

ра́дуйся, наде́ждою благо́ю нас укрепи́вый

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 7

Хотя́й возсия́ти све́ту богопозна́ния во стране́ язы́честей, благоволи́
Госпо́дь се́яти семена́ ве́ры правосла́вныя и повеле́ тебе́, преподо́бне, да
всех научи́ши ве́ре и́стинней и за́щити́ши ю́. Ты же, я́ко па́стырь
безстра́шный ма́лому стаду еванге́льски взыва́еши, да не убои́мся, я́ко
обетова́но есть нам Небе́сное Ца́рствие, те́мже науче́нии тобо́ю, ра́достне
пое́м: Аллилу́иа.

Икос 7

Ди́вно в вы́шних моли́твенно пребыва́л еси́, преподо́бне, но и в ни́жних на
земли́ су́щих не забыва́л еси́, наипа́че же о сирота́х ве́лие попече́ние
яви́л еси́, устроя́я прию́тим и учи́лище, иде́же за́ведем Госпо́дним
поуча́л еси́ их. Сих ра́ди трудо́в твои́х приими́ от нас похвалы́ сия́:

Ра́дуйся, ни́щих и сиро́т за́щитителю;

ра́дуйся, бла́гостный о них попечи́телю.

Ра́дуйся, я́ко стра́ху Бо́жию ча́да своя́ науча́л еси́;

ра́дуйся, я́ко живо́ю водо́ю Ева́нгелия всех напоя́л еси́.

Ра́дуйся, моли́твы непреста́нныя учи́телю;

ра́дуйся, хле́бом небе́сным и земны́м сиропита́телю.

Ра́дуйся, плоть покоря́ти ду́ху поуча́вый;

ра́дуйся, Бо́га всем се́рдцем люби́ти наставля́вый.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 8

Стра́нное чу́до яви́ человеколю́бец Госпо́дь, дарова́ бо тебе́, преподо́бне, дар прозре́ния и исцеле́ния я́ко исто́чник утеше́ния лю́дем Свои́м. Ты же свои́ми и словесы́ приве́л еси́ мно́гия к любви́ Бо́жией. Те́мже си́янием по́двигов твои́х просвеще́нии, лю́дие взыска́ху ко Го́споду: Аллилу́иа.

Икос 8

Избра́н Бо́гом был еси́, о́тче преподо́бне, те́мже лю́дие новопросвеще́нии све́том Христо́вы ве́ры притека́ху к тебе́ в боле́знях и печа́лех. Ты же, я́ко оте́ц чадолюби́вый, предста́тельствова́л еси́ за всех в моли́твах, источа́я исцеле́ния и утеша́я всех, к тебе́ о по́мощи взыска́ющих, те́мже сла́вляху тя духо́вная ча́да твоя́:

Ра́дуйся, душ смяте́нных умири́телю пресла́дкий;

ра́дуйся, врачу́ наш безме́здный и благода́тный.

Ра́дуйся, не́мощей на́ших цели́телю милосе́рдный;

ра́дуйся, в беда́х и обстоя́ниях помо́щниче ско́рый.

Ра́дуйся, лише́нным кро́ва те́плое прибе́жище;

ра́дуйся, обурева́емым, я́ко «Скала́ Мона́шеская», ти́хое приста́нище.

Ра́дуйся, гряду́щая я́ко настоя́щая прови́деый;

ра́дуйся, прегреше́ний сокрове́нных обличи́телю прозорли́вый.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 9

Всего́ себе́ Го́сподеви пре́дал еси́, блаже́нне, те́мже со А́нгелы в пусты́ни сла́достно бесе́довал еси́. И ны́не с ли́ки а́нгельскими на Небесе́х непреста́нно взыска́еши Творцу́ всех и Созда́телю хвале́бное: Аллилу́иа.

Икос 9

Вети́и многовеща́нии не возмо́гут исчи́слити чудеса́ твоя́, лю́дем явле́нная, я́ко и ду́си нечи́стии по словеси́ твоему́ от люде́й стра́ждущих исхожда́ху. Егда́ же бысть наводне́ние ве́лие, ты моли́ твою́ свое́ю предико́ною Бо́жия Ма́тере остано́вил еси́ мо́ре, глаго́ля: «Да́лее сея́ черты́ не пре́йдет вода́». Те́мже ти воспева́ем си́це:

Ра́дуйся, стихи́и водны́я умири́телю ди́вный;

ра́дуйся, от запале́ния лесна́го изба́вителю пресла́вный.

Ра́дуйся, святи́теля Инноке́нтia, в мо́ри взыска́вшаго к тебе́, услы́шавый;

ра́дуйся, по мо́рю пла́вающим ко́рмчий наде́жный.

Ра́дуйся, я́ко гнев злых люде́й ти́хостию исправля́л еси́;

ра́дуйся, я́ко ди́вное благоуха́ние с небесе́ к тебе́ прибега́ющим
ниспосыла́л еси́.

Ра́дуйся, ве́лия зна́мения при жи́зни твое́й показа́вый;

ра́дуйся, и по сме́рти твое́й мно́гая чудеса́ яви́вый.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 10

Спаси́тельнаго се́яния Госпо́дня, в вертогра́де земли́ Аме́рика́нския
насажде́ннаго, плод кра́сный ду́хом прови́дя, песнь благода́рственную
Пресвяте́й Тро́ице посреде́ пусты́ни се́верныя возноси́л еси́, о́тче святы́й
Ге́рмане, и со А́нгелы небе́сными зыва́л еси́: Аллилу́иа.

Икос 10

Стена́ еси́ всем, прибега́ющим к тебе́, о́тче, я́ко в житии́ твое́м
пресла́вная показа́л еси́, и при кончи́не твое́й ди́вное чу́до яви́л. Лю́дие
же, ви́дюще в час кончи́ны твоея́ о́гненный столп до небесе́ и нетле́ние
телесе́ твоего́, возопи́ша тебе́ тако́ва я:

Ра́дуйся, пра́ведною кончи́ною в свя́тости твое́й нас уве́ривый;

ра́дуйся, я́ко восхожде́ние твое́ на небеса́ столпо́м о́гненным зна́менася.

Ра́дуйся, я́ко и гроб твой недужным исцеле́ния источа́ше;

ра́дуйся, мо́щи твоя́ благоуха́нныя в насле́дие нам оста́вивый;

Ра́дуйся, я́ко у ра́ки твоея́ хроми́и воста́ша и глас твой из гро́ба слы́шаша.

ра́дуйся, я́ко исто́чник воды́ святы́я и целе́бныя нам дарова́л еси́.

Ра́дуйся, я́ко ста́рцу Гера́симу яви́лся еси́, на Ело́вый о́стров того́
призыва́й;

ра́дуйся, та́инственно, я́ко живы́й, на о́строве сем пребыва́й.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 11

Пе́ние хвале́бное тебе́ прино́сим, о́тче преподо́бне, о пра́веднем жити́и
твое́м. Восхваля́ем и честну́ю кончи́ну твою́, я́ко предузна́л еси́ час
преставле́ния своего́, учени́к же твой Гера́сим обоня́л е́сть благоуха́ние
ди́вное в час той. Пресла́вно бысть и погребе́ние твое́, егда́ испо́лнися
предрече́нное тобо́ю. Мы же воспева́ем чудоде́ющему Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 11

Светопода́тельный свети́льник был еси́ всему́ и́нчешескому́ чи́ну да́льняя
Аме́рики, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, науча́я по́дви́гу, защища́я от
напа́стей, хода́тайствуя о них и глаго́ля: «Не в мо́рски х то́кмо волна́х
обуре́ва емся, но среди́ преле́стнаго и многомяте́жнаго ми́ра стра́ждем и

скита́емся, оба́че к небе́сному на́шему Оте́честву гряде́м». Сего́ ра́ди
вопи́ем ти:

Ра́дуйся, ве́рный сподви́жнике Иоаса́фа, пе́рваго епи́скопа Ру́сския
Аме́рики;

ра́дуйся, свиде́телю ре́вности Иувена́лиевы да́же до сме́рти.

Ра́дуйся, алеу́та Петра́ пронареки́й новому́ ченика;

ра́дуйся, предви́девый святи́тельство Инноке́нтия в земли́ Алеу́тстей.

Ра́дуйся, ученику́ своему́ Се́ргию о́браз и́ноческаго жития́ показа́вый;

ра́дуйся, и́нока Гера́сима на Но́вый Валаа́м чуде́сно призва́вый.

Ра́дуйся, на Руси́, безбо́жием плене́нней, Адриа́на пресви́тера от темни́цы
огради́вый;

ра́дуйся, святи́теля Иоа́нна тебе́ просла́вити подви́гнувый.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 12

Благода́ти испо́лнена ве́дуще тя, преподо́бне отче, про́сим: моли́ся те́пле
ко Го́споду, да огради́т Це́рковь Свою́ Святу́ю от ду́ха ми́ра сего́,
вою́ющего на сыно́в Ея́ неве́рием и отвраща́ющего от богодарова́нных
жизни, да́бы восходи́ти нам от земли́ на не́бо и воспева́ти Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 12

Пою́ще твое́ прославле́ние, преподо́бне, ублажа́ем тя, я́ко многомо́щна
моли́твенника и предста́теля на́шего. Ты же, стяжа́вый Ду́ха Свята́го и Тем
просвети́вый лю́ди земли́ Аме́риканския, услы́ши нас, вопию́щих к тебе́
такова́я:

Ра́дуйся, моли́тву чи́стую и теплоту́ серде́чную стяжа́вый;

ра́дуйся, сле́з твои́х тече́ньми пусты́ни беспло́дное возде́лавый.

ра́дуйся, я́ко се́рдце твое́ бысть благода́ти Бо́жия испо́лнено.

ра́дуйся, све́том сокрове́нным осия́нный.

Ра́дуйся, умо́м очище́нным та́йны Боже́ственныя созерца́вый;

ра́дуйся, тишины́ и ми́ра по́мыслов дости́гнувый.

Ра́дуйся, сердца́ Ду́хом Святы́м просвеща́й;

ра́дуйся, соверше́нство обреты́й и нас к сему́ призыва́й.

Ра́дуйся, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 13

О, пресла́вный уго́дник Бо́жий, преподо́бне и богоно́сне о́тче наш Ге́рмане, прими́ ма́лое сие́ моле́ние на́ше, в похвалу́ тебе́ возноси́мое, и предстоя́ны не престо́лу Го́спода Вседержи́теля, непреста́нно моли́ся о нас, ча́дех твои́х да, пребыва́юще в любви́ и единомы́слии, навы́кнем всегда́ твори́ти во́лю Бо́жию по слову́ твоему́: «От сего́ дне, от сего́ часа́ да бу́дем люби́ти Бо́га превы́ше всего́ и твори́ти святу́ю во́лю Его́», и ку́пно с тобо́ю сподо́бимся воспева́ти хвале́бную песнь: Аллилу́иа.

(Этот кондак читается 3 раза, а затем снова икос 1 и кондак 1)

Молитва

О, преди́вный уго́дник Бо́жий, преподо́бне о́тче наш Ге́рмане, ты по́двигом до́брым подвиза́лся еси́, хлад и ины́я тяготы́ в земли́ Алеу́тстей претерпе́л еси́.

Ны́не же испо́лнися сло́во Госпо́дне на тебе́, в ма́лом ве́рным Ему́ бы́вшем, те́мже и поста́ви тя Госпо́дь я́ко Небе́снаго покрови́теля Це́ркве Америка́нския. Мы же вси́ зыва́ем ти те́плюю моли́твою: моли́ся за Це́рковь на́шу Святу́ю, да огради́т Ю́го Госпо́дь от темных сил вра́жиих, нас да сохрани́т в чистоте́ и благоче́стии, да утверди́т в ве́ре кре́пкой и несумне́нной. И испроси́ всем нам ду́ха ми́ра и любви́, ду́ха кро́тости и смире́ния, горды́ни отгна́ние, от самопревозноше́ния огражде́ние, боля́щим по́мощь и исцеле́ние, скорбя́щим утеше́ние, а́лчущим пра́вды духо́вныя пи́щу Небе́сную. Да, улучи́вши жела́емая, обря́щем пра́ведное воздая́ние в день Стра́шного Суда́ и со все́ми святы́ми воспое́м и просла́вим Живонача́льную Тро́ицу, Отца́ Непости́жимаго, И́стинного и Единоро́дного Сы́на и Свята́го Уте́шителя Ду́ха, во ве́ки. Ами́нь